

"Бастет (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Горовая Ольга Вадимовна

Бастет

Пролог

Мелкий дождь не мешал ей, скорее — служил одним из факторов, который мог помочь. Она сделала еще один шаг, и замерла, раздумывая, стоит ли раскинуть руки, балансируя на самом крае бортика крыши шестидесятиэтажного дома. Это казалось лишним и таким обременительным движением. И совсем не хотелось прилагать усилий, чтоб сохранить свою, такую бессмысленную жизнь.

Но это было бы слишком просто. Ей не хотелось облегчать задачу всех тех, кто вел охоту на нее. Не хотелось, чтобы найдя мертвое тело, они решили, что победили. Потому что, никто из них не мог превзойти ее. Пока, она о таких не слышала.

Потому, плавно и медленно, чтобы не нарушить хрупкого баланса, она развела руки, поднимая вверх раскрытые ладони, и сделала следующий шаг, даже не задумываясь уже над тем, как до такого докатилась.

Если ей удастся дойти до края, и она не рухнет в пропасть мегаполиса, с безумным дорожным движением и бешеным круговоротом забот и дел людишек, который раскинулся на десятки километров у подножия этого здания, крышу которого она облюбовала для своей сегодняшней рулетки — стоит пойти развеяться. Пожалуй, подойдут танцы. Она давно себе ничего такого не позволяла. Так что, можно обновить ощущения толкотни среди сотен разгоряченных тел, бурлящих адреналином, владельцы которых считают себя повелителями жизни. Наивные. Ей было бы достаточно пяти, лично сделанных взрывчаток и десяти минут, чтобы превратить любой ночной клуб этого города в вечное напоминание о скоротечности человеческой жизни. Потому что, именно она была той, кто держала в своих твердых, тонких пальцах нить судьбы любого, попавшего в окуляр прицела ее винтовки.

Конец бортика, и она все еще стоит на крыше, а не стремительно несется вниз, приближаясь к асфальту тротуара мостовой.

Что ж, еще один вечер, когда смерть обошла ее, с насмешкой вильнув хвостом. Эта, не менее характерная дама, была единственной, которой удавалось ускользнуть из ее пальцев. Ну и пусть, значит сегодня еще не время.

Спрыгнув с парапета, она подняла свою винтовку и аккуратно упаковала в специальную сумку, не глядя больше туда, где еще суетилась толпа и мигали сирены скорой. Глупые люди, словно бы что-то могло помочь тому, кого определили в ее жертву. Она не допускала промахов и оплошностей. И еще уходя с выбранного места едва совершив выстрел, даже не задержалась, проверить, достигла ли пуля цели. Это было лишним. Она всегда попадала. И всегда после этого, шла на другую крышу, чтобы проверить судьбу, и самой поиграв со смертью.

Порою, ей было достаточно одной секунды, мига, чтобы навсегда изменить свою жизнь.... отбирая жизнь у другого.

Это мало волновало ее. Как и много еще чего. Она давно забыла о том, что такое беспокойство и волнение. Она была пустой внутри. Мертвой, выгоревшей дотла, словно остов дома, кажущийся полноценным снаружи, но покрытый черной гарью и седым пеплом, который сразу

запорошивает глаза и забивает легкие, стоит заглянуть внутрь.

Она была неживой. Потому и работала убийцей. Кто, лучше мертвого душой человека, сможет убивать других? Никто, наверное.

Ее не терзали моральные сомнения, не мучили угрызения совести и не мешали спать призрачные образы тех, кого она убила по заказу за огромные деньги, или просто, для продвижения вверх по своей карьерной лестнице, так сказать, на проверку.

Ей было двадцать шесть, а казалось, что две тысячи лет, как минимум.

Она устала жить. Но не было никого, более ловкого, чем она. Никого, кто мог бы ее достать. Она всегда уходила, насмехаясь над теми, кого враги посылали за ней.

Бастет.

Не имя, кличка, которую она взяла у древней богини старого Египта. Женщина-кошка. Словно в насмешку, заказав на своем плече татуировку богини — счастья. Но нет, не ирония была определяющей в выборе, ей просто понравилось это имя. И нравилось ассоциировать себя с кошкой. У котов ведь девять жизней?

И казалось, что она никак и никогда не сумеет расстаться с ними. Как ни хотелось бы.

Бастет было бы просто стыдно уступить тем, кто столь явно уступал ей умением и силой.

Но не было достойных. Единственного, кто мог бы победить ее — она уже похоронила, положив в могилу свое сердце, умирая с тем, кого любила.

Или же, ей только привиделось это? Горело ли хоть когда-то чувство в этом пустом подобии человека?

Сейчас, будучи выгоревшей изнутри, она так часто сомневалась в том, что вообще, хоть когда-то была к кому-то привязанной. Не верила, что могла настолько от кого-то зависеть.

Кошки всегда гуляют сами по себе. И она была такой кошкой. Одинокой и неуловимой. Гуляющий в темноте ночей и при свете дня по крышам и подвалам, по закоулкам и чердакам со снайперской винтовкой наперевес.

Ее не могли поймать, она сама находила тех, кто желала заплатить за услуги Бастет. Ее называли неуловимой и рьяно разыскивали, но не могли отыскать. Даже те, кому платили за смерть этой языческой кошки-богини.

Хотя, она почти жаждала, чтобы нашелся хоть кто-нибудь, кто смог бы ее отыскать и прервать это пустое мертвое существование. Кто-то, кто мог бы лишить ее проклятых девяти жизней...

Но, поскольку так и не нашлось никого достойного, ей приходилось жить дальше. И значит сегодня, она идет танцевать.

Стоило озаботиться нарядом для выхода. Сомнительно, чтобы в ее гардеробе осталось хоть что-то подходящее для подобного случая.

Глава 1

К вечеру дождь только усилился, но она приехала на машине, а длинный серебристый плащ, расклешенный книзу, защищал Бастет сейчас, когда она без помех продвигалась ко входу по промокшей черной ковровой дорожке, отороченной серебром и золотом в один из самых популярных и престижных клубов города. Однако нельзя было не признать, что владельцы не сэкономили на антураже, и даже промокнув, ковер не затруднял передвижение, а его ворс не давал высоким шпилькам увязнуть и помешать при ходьбе. Очевидно, это было проявлением заботы о подвыпивших знаменитых гостях, которые не желали бы позорно упасть под десятками следящих за ними глаз.

Насмешливая улыбка скривила ее губы. Если уж танцевать, то с шиком. Она все любила делать по высшему разряду, и убивать, и наслаждаться редкими минутами в жизни, когда что-то вызывало тень, подобие позабытого интереса.

Что-то привлекло ее внимание вчера, когда она наблюдала из окна за жизнью города внизу, почти не вслушиваясь в бормотание включенного плазменного телевизора, мерцающего в углу ее огромной квартиры-студии, занимающей весь верхний этаж дома, что-то заставило обернуться и прислушаться к новостям элиты, в которых упоминался именно этот клуб.

Приближаясь к двум охранникам, даже в темноте наступающего дождливого вечера, не снимающих черных очков, Бастет знала, что у нее не будет проблем с секьюрити, контролирующими личности небожителей, допускаемых в этот "Темный рай". Один из них кивнул, увидев протянутый ею клочок темного картона с серебряным тиснением на нем, и просто отступил, пропуская девушку внутрь помещения.

На секунду, ей даже стало жаль, что все так просто, как и всегда. Но потом, Бастет откинула сожаления. Она пришла танцевать, а не убивать. Можно и расслабиться.

Холл был темным и настолько огромным, что достаточно большое количество посетителей просто терялось. И оформлен он был скорее в мотивах ада, нежели рая, пусть и темного.

На стенах, в полутьме, мерцали светильники, задрапированные черной тканью, оформленные то ли золотом, то ли бронзой, Бастет лень было подходить уточнять. Не было интереса. Повсюду царил истинно декадентская роскошь.

В одном из углов этого зала-прихожей, располагался гардероб, в который она сдала свой плащ седому дедушке, блеснувшему хитрецой во взоре, с понимающей улыбкой разглядывая наряд, который она приобрела для этого "выхода в свет" их города.

Ей понравилось лениво-распушенная атмосфера, которая ощущалась с первого вдоха воздуха этого клуба. Пожалуй, он может стать ее излюбленным заведением.

Бастет остановилась у одного из огромных зеркал, которые висели на каждой стене, в массивных рамах, украшенных ангелочками. И усмехнулась шире, рассмотрев, что под маской ангелочков, прятались хитро щурящиеся чертята.

Положительно, ей все больше импонировало это место.

Она посмотрела в отражение, на невысокую стройную, почти до болезненной худобы, девушку, одетую в весьма короткое платье из шелка серебряного цвета, которое полностью открывало одно плечо и руку, и в то же время, закрывало вторую. Она не собиралась хоть кому-то показывать свою татуировку. Дорогая ткань, тонкой драпировкой лежала на груди и, мягко облекая фигуру, опускалась на бедра, где перехватывалась изящной цепочкой. Платье, едва ли, доставало до верхней трети бедра, успешно справляясь лишь с тем, что прикрывало ягодицы.

Что ж, она давно не помнила, что значит понятия «скромность» и «комплексы». Это было пустым звуком для богини-кошки, которой она стала в этом городе. Дополняли наряд серебристые туфли на очень высокой шпильке и серебряные же сережки в виде плоских дисков на небольших цепочках, в ушах.

Решив, что внешний вид соответствует тому, что хотелось бы увидеть, она откинула назад завивающуюся прядь черных волос, достоящих до плеч, и пошла через холл туда, откуда доносилась музыка, игнорируя множество мужских взглядов, направленных на нее.

Ей не была нужна компания, она пришла танцевать.

В клубе "Темный рай" было несколько танцевальных залов, в каждом из которых преобладало лишь одно музыкальное направление. Бастет не собиралась узнавать, как они назывались. Ей было безразлично наименование звуков. Лишь бы они нравились ей. Она остановилась во втором зале, привлеченная тем, что здесь было меньше людей и удовлетворенная музыкой, которая играла.

Все залы были обставлены в разных стилях, но их объединяло явное наличие стиля и вкуса дизайнера, и его неуклонное устремление в глубины ада, явно подавляющее заявленные в названии небеса. Что было просто прекрасно, по мнению Бастет.

Не было небес, уж она-то знала, а вот пекло — в нем она некоторое время жила, и ей было легче поверить в его существование.

Бастет не хотела пить, а потому, прошла мимо стойки бара, направляясь к площадке для танцев, которая была почти пустой. Лишь пара парней, да одна девушка вяло двигались ближе к краю, совершенно не попадая в музыку, которую создавал ди-джей за своей стойкой.

Она скривилась, разглядывая это именитое и явно богатое убожество, являющееся, по-видимому, отпрысками влиятельных семей их города, и посмотрела на волшебника, которым, без сомнения, был ди-джей. Он извлекал божественные звуки из обычного, пусть и супер современного устройства, и Бастет могла бы убить этих дергающихся придурков, не умеющих оценить талант парня.

Поймав взгляд музыканта, который с таким же презрительным выражением следил за этими «танцорами», она подняла большой палец. Ей по-настоящему понравился его стиль. А Бастет так давно ничего не трогало.

Парень усмехнулся и отсалютовал ей. А потом кивнул головой на центр площадки, приподнимая бровь, словно спрашивал, рискнет ли она танцевать под его музыку.

Бастет широко улыбнулась в ответ, почти искренне. И вышла на середину, не обращая ни на кого внимания, приподнимая бровь в ответ, бросая вызов музыканту, и он принял его.

Музыка резко оборвалась, вызывая недоумение тех, кто находился в зале, привлекая всеобщее внимание к площадке. Но, тут же, полилась снова, уже другой мелодией.

Бастет хмыкнула, парень, в самом деле, был мастером своего дела, не хуже, чем она в своем. Он, словно почувствовал то, что было у нее на уме, когда Бастет поднималась на площадку, и отразил это музыкой, вызывая отклик внутри у наемного убийцы. У киллера, которым она была.

И она поддалась этой музыке, делая то, ради чего и пришла сюда — начиная танцевать.

Если она делала что-то, то Бастет отдавалась полностью тому, что делала. Так она убивала. Так же она и танцевала. Мир вокруг перестал существовать.

Нет, она не забыла о том, что на нее открыта охота, и всегда стоит ожидать пулю в затылок. Часть ее разума, посвященная охране, помнила об этом, и вела наблюдение за окружающей обстановкой. Но сама девушка, погрузилась в движения тела. Сплелась с музыкой. Стала ею.

Он проходил по залам, держа в руке стакан с виски и льдом, наблюдая за тем, насколько хорошо работали служащие, присматриваясь к работе барменов, вслушиваясь в музыку, которая должна была соответствовать залу, но не выбиваться из общего стиля "Темного неба". Это было приятней того, чем он раньше занимался. И более законно. Впрочем, его мало интересовала моральность или отсутствие оной в том, чем он зарабатывал ранее. Это позволило ему иметь такие деньги, которые большинству даже не снились в кошмарах. Потому что такие суммы не могли быть благословением и не давались за праведные дела. Совершенно определенно, не за праведность.

Жесткая усмешка заставила уголки губ приподняться, придавая его лицу выражение, которое многие считали дьявольскими. Вполне вероятно. Он не мог не признать, одобрительно кивая бармену этого зала, что, скорее всего, его душа давно принадлежала властителю Ада.

Огорчало ли это его? Ни капли. Каждый сам принимает решения, и глупо сожалеть о том, что позволило ему стать почти всевластным. Каждое его действие и поступок были продуманными и оправданными с точки зрения выживания и преобладания в жесткой иерархии управления городом и страной.

Сейчас, даже Президент, при желании, мог оказаться в его власти. Просто пока, ему это было не надо.

В этот период жизни, его вполне устраивало владение данным клубом. Пожалуй, можно было сказать, что это его забавляло. В то время, как прежнее занятие, пусть и более доходное, уже наскучило, так как не было достойных соперников. Почти не было, поправил он сам себя. Но с тем, с кем стоило бы посоревноваться, судьба его не сталкивала. А самому идти против Фортуны, в его профессии — было большой глупостью. И как бы скучно ему ни было, он не устраивал игр с теми, с кем его не сводило провидение, или вероятный властитель ада, коли таковой, и в самом деле имелся. Он любил азарт и риск, любил хождение по краю, но не приемлел глупости, потому как дураки не живут долго в том, что он делал. Вот и приходилось искать теперь иного рода развлечения. И пока, этот клуб его устраивал по всем параметрам.

Странная пауза в соседнем зале, которая была настолько короткой, что, вероятно, не привлекла более ничего внимания, заставила его остановиться и посмотреть в сторону двери. Оттуда, уже снова доносилась музыка, другая, но не нарушающая ни политику заведения, ни атмосферу зала, но, тем не менее..., что-то в этой ситуации породило в нем желание выяснить причину заминки, которой не должно было быть.

Полностью развернувшись, он пошел ко второму залу.

В темном пространстве, наполненном музыкой, царил странное оживление, и в то же время,

ничто не нарушало звучания мелодии. Большая часть немногочисленной публики собралась у танцевальной площадки, единственного освещенного места, за чем-то наблюдая. Судя по всему, именно там и была причина того, что привлекло его внимание. Он нашел взглядом распорядителя зала, приподнимая бровь в безмолвном вопросе. Но Ханс покачал головой, сообщая, что все в полном порядке. И, пожалуй, даже выглядел довольным происходящим.

Мысленно пожав плечами, он кивнул своему помощнику, и подошел к площадке, привычно не обращая внимания, что при его приближении люди расступались, будто подсознательно ощущая исходящую от него угрозу. Словно аромат опасности окутывал его тонким неосозаемым шлейфом, заставляя всех вокруг, неосознанно, стремиться убежать от хищника, которым он, по сути, и являлся.

Остановившись у края площадки, он, наконец-то, смог увидеть, что же заставило всех здесь собраться.

И не мог не признать, с довольной усмешкой, что эта крошка стоила такого внимания.

Тонкая фигурка невысокой девушки в одиночестве танцевала в центр площадки. Она, в самом деле, была крошкой, против него, во всяком случае, и даже высокие, очень высокие, каблуки совершенно не меняли ситуации. Но такая обувь, ни капли, не сказывалась на грации и пластике этой танцовщицы, которая, своими движениями, напомнила ему кошку.

Смотреть на нее было приятно. Чертовски приятно. И он мог понять всех тех мужиков, которые почти повисли на поручнях площадки, тем более что наряд девушки ни черта не скрывал от окружающих.

Но, похоже, саму виновницу всеобщего внимания ни капли не волновало то, что при каждом повороте, или особо глубоко прогибании, не то что ноги, но и вид на ее попку становился всеобщим достоянием. Ее спина изгибалась в такт танца настолько плавно, что стала понятна его ассоциация с хищницей породы кошачьих. А темные кудри, разметавшиеся по плечам, словно сами по себе, танцующие в этом танце, и в то же время, удивительно гармонично сочетающиеся в своих колебаниях с каждым движением крошки... завораживали.

Он ощутил, что пах напрягся от такого зрелища, и даже немного удивился. Давно уже его никто вот так не возбуждал при одном созерцании. Слишком пресыщенным он был, чтобы ощутить вождление от одного наблюдения танца.

Но эти ягодицы, крепкие, подтянутые, изящные, рождали в его мозге образы того, как он плотно прижимает эти бедра руками, обхватывая их, задирая эту насмешку над платьем. И сжимая пальцы, наслаждаясь ощущениями плоти в своих руках, упирается своим твердым, напряженным членом между этими полушариями, рывком проникая во влажное, горячее, узкое влагалище...

А чтоб его! Ему пришлось выдохнуть, и немного изменить положение тела, чуть расставляя ноги. Его плоть, в самом деле, уже была полностью готова воплотить эти воображаемые картины в реальность, причиняя ему ощутимое неудобство тем, что натягивала грубую ткань джинсов.

В этот момент девушка резко крутнулась, не теряя равновесия и координации, и оказалась лицом к нему. Ее глаза были закрыты, она полностью отдалась танцу.

И это, так же, понравилось ему. Он любил сосредоточенность на том, что делалось, считая, что

так можно достичь лучшего результата. И заинтересовался вопросом, занимается ли она сексом с открытыми глазами, или, вот так же, закрывает веки, полностью погружаясь в удовольствие. Поняв, что очень даже желает это проверить, он задумался. Пожалуй, впервые за все время существования этого клуба, он был близок к тому, чтобы пригласить девушку подняться на верхний этаж.

И в этот момент, словно предчувствуя резкую, почти дикую эскападу музыки, она прогнулась, легко доставая пальцами руки мерцающий пол танцплощадки, и открыла глаза.

Их взгляды встретились, отсекая других людей, что стояли вокруг.

Он знал, что она не могла не увидеть голодное желание, беснующееся в его серых глазах, читающееся в заинтересованности на резких чертах лица, которую он и не думал скрывать. И четко почувствовал тот миг, когда ее это привлекло, пробуждая ответ в теле девушки. Вызывая ускорение пульса, и выброс такого же желания. Взгляд зеленых, чуть раскосых, почти кошачьих, глаз прошелся по нему, пока крошка продолжала танец, плавно покачивая бедрами, повторяя течение кружащих в воздухе нот.

И ему понравилось ощущать, как она его изучает. Он словно чувствовал на себе этот взгляд, оценивающий, раздевающий. Это вызвало усмешку на его губах и заставило его приподнять бровь, салютуя ей бокалом с виски, который он продолжал держать в руках.

Кубики льда тихо звякнули о стекло стенки стакана, но этого не было слышно за музыкой, которая все еще звучала, продолжая набираться интенсивность, как и ее танец. Просто он слишком привык замечать мелочи и детали, потому и отметил этот факт.

Девушка кивнул на его приветствие, совершая очередное, довольно непростое для нетренированного тела движение, почти скручиваясь по вертикали. И он, снова удивился, насколько гармонично она сливалась с нотами, извлекаемыми ди-джемом этого зала.

Черт! Крошка, определенно, была взрывоопасной. И это его возбуждало, добавляя режущую грань в желание. Как раз то, чего ему не хватало в последнее время, чтобы развеять скуку и хандру.

Короткая юбка платья в очередной раз задралась, когда она, уже не закрывая глаз, удерживая контакт их взглядов, прошлась своими ладонями по бедрам, повторяя их очертания, заставляя кровь быстрее и яростней бежать по его венам. А потом, ее пальцы скользнули по ткани, словно лаская свой живот через тонкий шелк, плавным движением обвели высокую и полную грудь и, поднявшись вверх, они погрузились в темные, чуть влажные от танца, пряди. Она откинула голову, продолжая ладонями обхватывать свою шею и затылок, и медленно, томно обрисовала головой круг, чуть прикрыв глаза, но, не отпустив его взгляда.

Его чресла запульсировали, требуя удовлетворения жажды, которую она разожгла в нем этим танцем.

И в этот момент, отыграв последний аккорд, музыка оборвалась.

Окружающие наблюдатели взорвались одобрительными возгласами и аплодисментами, но девушка не очень обращала на это внимания. Развернувшись к стойке, за которой стоял довольно улыбающийся ди-джей, она послала парню воздушный поцелуй. А после, снова обернулась, и вопросительно, с вызовом, вздернула бровь, словно провоцируя его.

Это только усилило желание, бурлящее у него в крови. Сделало острее предвкушение того,

что, несомненно, сейчас будет между ними. Он всегда получал желаемое. Любым путем. А эта крошка сумела привлечь его.

Сделав один шаг вперед, ставя стакан на широкий поручень, оттерев всех, кто порывался опередить его, он протянул руку, предлагая девушке помощь. Она приняла ее, все с той же, вызывающей, чуть нахальной улыбкой.

Он не спрашивал ее имени. Она не задавала подобных вопросов ему. Оба знали, чего желают в эти минуты — горячего, немедленного, неистового секса. Их не интересовали всякие мелочи. Только тело на теле, кожа на коже, его руки на ней, ее ладони, скользящие по нему, его плоть в ней...

— Не хочешь прогуляться на верхний этаж, детка? — Он не сомневался, что его предложение ясно читается в хриплом и низком голосе.

— Ммм..., - язычок скользнул, увлажняя губы. Она тяжело дышала после танца. — Весьма заманчиво.

Крошка кивнула, не противясь, когда его ладонь сильно сжала ее пальцы, чуть притягивая к крепкому телу за руку.

Он начал целовать ее, сминая губы жарким, неистовым, требовательным поцелуем еще до того, как они дошли по небольшому коридору до лифта, соединяющего офисный этаж, на котором располагался его кабинет, с основным помещением клуба. Его губы давили, требовали капитуляции, но она не сдавалась, и сама шла в наступление, дразня его своим язычком.

Однако он привык доминировать во всем, и не был бы собой, допусти подобное, пусть неожиданно, и понравилась ему такая дерзость, а потому, прижав ее к стене, в ожидании, когда приедет кабинка, он обхватил ее затылок рукой, и чуть надавил языком, требуя, чтобы она открыла рот для него.

Крошка подчинилась, с легким смехом, прерывающимся тяжелым, возбужденным дыханием, впуская его язык. Тут же воспользовавшись этим, он жадно припал к ее рту, словно хотел забрать дыхание у нее, заменить его собою.

— Не думаю, что хочу сдерживаться до кабинета, детка, — его губы ласкали ее, его язык дерзко и напористо входил меж ее губ, в таком же ритме, в котором, в самое ближайшее время, его плоть будет погружаться в ее лоно. Он ясно давал это понять ей. Уже не предоставляя возможности убежать. Просто ставя в известность.

— Разве я сказала, что против? — Она не отстранялась и не думала скрываться. Наоборот, не менее рьяно отвечала на такое «нападение», с силой обхватив его голову руками, погружая пальцы в его волосы, словно не позволяя отстраниться. Смешная. Да и отряд наемников сейчас не смог бы заставить его от нее оторваться. И к черту то, что это не было обычным. Такое... всепоглощение...

Это было не то, что он собирался говорить ей.

Его рука, до этого обхватывающая ее щеку, скользнула вниз, легко натирая шею ладонью. Ей понравилось. И крошка сильнее выгнулась, открывая ему больший доступ к ее коже, а он, воспользовавшись подобным изменением положения, дерзко просунул бедро между ее ногами, не давая теперь сомкнуть девушке бедра. А горячей ладонью накрыл ее грудь, сквозь ткань,

сжимая сосок, натирая его пальцами.

Она оценила такое изменение, с довольным стоном обхватывая его ногу, почти седлая ее, и легонько сжала своими ногами.

— Чтоб тебя... — он едва не застонал, ощущая это давление ее бедер. И понял, что она уже мокрая для него, даже сквозь ткань джинсов, ощущая, насколько крошка горячая и влажная. Это еще больше заставило окаменеть его член, хотя, казалось бы, куда уж...

В этот момент, прорываясь сквозь шум бешеного стучащего пульса в его ушах, раздался негромкий звон, и двери лифта разъехались. Это было именно тем, в чем он нуждался сейчас.

Обхватив руками ее бедра, так, чтобы девушка еще крепче прижалась к нему, он просто напросто, занес ее в лифт, прижимая спиной к стенке кабинки. Не глядя, хлопнул ладонью по щитку, нажимая верхнюю кнопку в ряду.

Лифт закрылся, и начал движение вверх. Они уже не обращали на это внимания. Им было чем занять себя.

Она все так же крепко держалась за его шею одной рукой, и однозначно двигала своими бедрами по напряженному бугру, выпирающему из его джинсов. Что ж, он был только «за» такое рвение. Его губы скользили по ее шее, заставляя ее не просто тяжело дышать, а прерывисто низко стонать от этого дразнящего, влажного скольжения. И казалось глупым откладывать до кабинета то, чем можно было насладиться уже сейчас.

Удобней перехватив ее ягодицы одной рукой, он чуть изменил положение крошки, чтобы ее промежность оказалась как раз напротив его возбужденного паха, довольный хриплым стоном, которым она одобрила такой маневр, и уперся свободной рукой в панель управления, блокируя лифт неоднозначной командой. Кабинка замерла. А кого это интересовало тут?

Ладонь девушки, уже скользила вниз, по передней планке его черной хлопковой рубашки, не расстегивая, срывая пуговицы резким движением тонких пальцев.

— Их слишком много для обычной рубашки, — с насмешкой проворчала она.

— Не думаю, детка, просто кто-то обделен терпением, — он усмехнулся, понимая, что ей не терпелось добраться до его кожи.

И когда ее губы, наконец-то, добрались до желанной цели, чуть мешая ему целовать и облизывать ее шею, она с жадностью припала к его груди, целуя, царапая его своими зубками.

— И правда, — пробормотала она, словно конфету, обводя языком его сосок, — только кто? — и резко качнулась бедрами навстречу его телу.

Горячая штучка, под стать ему.

Но и он мог ответить тем же. С низким звуком, почти рыком, сорвавшимся с его губ, он потянул за вырез ее платья, обнажая грудь, лишь немного прикрытую кружевным бельем. Серебряного оттенка.

Не утруждая себя избавлением от него, он накрыл губами сосок, чуть прижимая, втягивая в себя, ударяя по нему языком. И немного отстранился, облегчая ей расстегивание ширинки на своих джинсах.

Пальцы крошки были жадными, сильными, когда она сжала ими его напряженный и горячий член, настойчиво требуя этим движением, чтобы он перестал тратить время, и немедленно погрузился в нее.

Ему захотелось поиграть с ней от такого требования. Было очевидно, что девочка, не менее его привыкла немедленно получать желаемое. Но именно он привык быть главным.

Так и продолжая посасывать ее грудь сквозь кружевное белье, лаская, иногда, для остроты, прикусывая ее зубами, он мягко прошелся по влажной полоске ее трусиков тыльной стороной ладони и, просто сдвинув их в сторону, погрузил свой палец в горячее, истекающее влагой возбуждения, влагище.

Бедра девушки дернулись навстречу этому погружению, а ее ладонь сильнее сжалась на его плоти, грозя прервать забаву раньше времени. Он порадовался тому, что не был обделен выдержкой. Втянув воздух сквозь сцепленные зубы, плавно вынул палец, заставляя ее стонать, и прошелся вверх-вниз, по горячей плоти, лишь едва-едва задевая клитор.

Она почти зарычала и... укусила его, несильно, но ощутимо царапая грудь.

— А ты кровожадная, — он не смог удержаться от усмешки, прекращая скольжение, и снова погружая палец в нее, добавляя второй, сильнее растягивая узкое влагище, подушечкой большого пальца накрывая влажный бугорок клитора, начиная натирать его, не позволяя вращению ее бедер, сбить его с мучительного, дразнящего ритма.

— Если ты сейчас же не трахнешь меня, я покажу, насколько могу быть кровожадной, — с шутилкой угрозой царапая зубами его ключицу, почти простонала она.

Ему понравилось такое приглашение. В конце концов, для забав у них будет время и в кабинете. Сейчас же, можно было просто немного снять напряжение, которое накалялось между ними, словно дугой расплавленного металла, обжигая вены.

— Ну, если ты так мне угрожаешь, — резко выдохнув от того, что его еще больше завели ее слова, — он сильно погрузил в нее свои пальцы, а потом, стремительно вынув их, одним толчком погрузился в нее твердой плотью до упора.

Наслаждаясь. Испытывая удовольствие от того, что она сжалась, обхватывая его своим влагищем, словно второй кожей, горячей и влажной... и, с удивлением, отразившимся в зеленых глазах с желтыми крапинками, она кончила, от первого же движения, содрогаясь в оргазме.

— Черт возьми! — поражено выдохнула крошка, так впиваясь зубами в его плечо, в то время как ее тело, все еще конвульсивно сжималось вокруг его плоти.

Ему, определенно, понравилась такая реакция, и такой... живой отклик. Настолько, что он и сам едва не кончил тут же, в нее.

Черт! Он даже не позаботился о презервативах... Хотя, девушка не выглядела такой, которая не предусмотрит подобной мелочи, и он отбросил эту мысль, снова толкаясь вглубь, еще сильнее растягивая это, напряженное удовольствием, тело своей партнерши. Ладонью собирая влажные от танца и их страсти пряди на затылке, отрывая ее зубки от своего плеча, чтобы с жадностью впиться в ее губы.

Давно его никто так не возбуждал. Он даже не мог вспомнить, чтобы такое, вообще было.

Но не об этом он размышлял, все сильнее и сильнее погружаясь в нее, заставляя опять кричать крошку от нового оргазма. И с самодовольным стоном, он поглощал эти крики своим ртом, так и не отпуская ее губы.

Ему это нравилось. Все в этом моменте. Как она обхватывала его бедра сильными ногами, как вонзала в его плечи ногти, снова и снова кончая от настойчивых ударов его плоти, запрокидывая при этом голову, открывая ему доступ к своим губам и шее. И ему нравилось их целовать, скольжением своего языка, собирая с кожи девушки капельки испарины от их страсти.

А когда она, в очередной раз уступив, подчинившись его доминированию, начала содрогаться, когда ее мышцы сжались вокруг его члена, так плотно обхватывая — он, к собственному удивлению, оказался неспособным сдержаться, и резким движением, почти распластывая ее на стенке кабинки, погрузился в это тугое пульсирующее лоно, испытывая удовольствие, для которого у него не было сравнения, понимая, что так и не отпустил припухших губ, изливаясь в ее тело, не в силах удержаться от несильных толчков, не дающих ей свободы в движении..., едва не забирая у нее дыхание.

Через пару минут, слегка отдышавшись, так и не покидая влажности ее тела, он немного отстранился и посмотрел в эти кошачьи глаза, еще затянутые поволокой удовольствия.

— Вот теперь, пожалуй, я в состоянии дотерпеть до кабинета, — хрипло, не скрывая самодовольства в тоне, проурчал он, нажимая на свой этаж, снимая блокировку, и удовлетворенно рассмотрел ее растрепанный и взъерошенный вид.

Платье было поднято почти до талии, и обнаженные ноги, обвивались вокруг его тела, а спущенный вверх, открывал потрясающий вид на груди, прикрытые лишь кружевными чашечками бюстгалтера, влажного от его губ и языка. Волосы крошки растрепались, и завились, еще больше нравясь ему. Но она только усмехнулась на его замечание, всем своим видом говоря, что совсем не против повторить то, что только что между ними было, как и он сам. И движение ее бедер, которые качнулись на нем, скользя по вновь твердеющей плоти, только подтвердили это убеждение в нем.

— Так, ты мне нравишься больше, — ее язычок выскользнул из-за края зубов, увлажняя губы, а пальцы погладили его кожу, стаскивая негодную теперь ни на что рубашку с плеч и отбрасывая ее на пол лифта. — Сильный, — она наклонилась, чуть ощутило вздрагивая от того, что этим движением лишь глубже насадила себя на него, и припала губами к его груди, целуя кожу, — мне нравится, что ты такой сильный.

— Не боишься? — он усмехнулся, довольный тем, как она себя вела, без ломаний и уверток, открыто признавая, чего хотела от него. И чертовски здорово, что их желания совпадали. Обычно, девушки слегка боялись его габаритов, некоторые даже, теряли желание. Начинали строить из себя недотрог, а ему давно надоели подобные игры. Но эта крошка вела себя весьма откровенно.

— Меня размерами и силой не испугаешь, — лукаво улыбнулась она, опять начиная дразнить его, засасывая его сосок своими губками. — Я умею справляться с тем, кто больше...

— Я вижу... — Хрипло, с усмешкой прошептал он, довольный ее смелостью, и крепче прижал голову девушки, собирая пальцами волосы на ее затылке.

В этот момент, кабинка лифта остановилась, и двери открылись на его этаже.

Не позволяя ей прекратить своего занятия, так нравящееся ему, он удобней перехватил ее бедра, и вынес девушку из кабинки, ногой толкая створку дверей своего кабинета.

Глава 2

Бастет нахмурилась, рассматривая отражение кошки на плече в зеркале своей огромной овальной ванной комнаты, выложенной кафелем теплого оттенка молодой зелени.

Увидел ли он вчера татуировку? Она не собиралась полностью раздеваться. Но было довольно сложно устоять.

Черт, как она могла настолько подчиниться хоть кому-то?! Этот..., этот...

Ладно, она сдалась, позволяя себе в уме, произнести его имя, которое он сказал ей перед тем, как она ушла..., убежала, так будет точнее.

Дэвид. Он сказал, что если она захочет еще заглянуть сюда, пусть спросит Дэвида. Он всегда будет рад ей.

При этом, мужчина едва поднял голову с дивана, сквозь полуприкрытые веки, наблюдая за ее поспешными сборами своими серыми, дымчатыми глазами. И эта его усмешка. Она была слишком понимающей. Слишком довольной. Слишком греховной.

Дьявол! Он сам был чистым грехом, искушением, против которого она не могла устоять при всей своей выдержке и тренировках.

Впрочем, не то, чтобы ей хотелось, или была надобность в подобной устойчивости.

Черт! Она почти серьезно размышляла над тем, чтобы отправиться туда снова.

Какого...? Ей что, нужны проблемы? Определенно, это было не то, что она искала, когда вчера отправлялась в "Темный рай", владельцем которого и был Дэвид. Надо было быть идиоткой, чтобы не сложить два полюс два, и не понять, кем был ее ночной любовник.

Нужна ли ей связь с владельцем самого модного клуба города? Бастет задумалась, не уверенная, что может ответить однозначно. Вчера, столкнувшись с ним взглядом во время своего танца, она впервые за несколько лет ощутила внутренний голод. Поняла, что чувствует что-то..., нечто проглядывающее из окон выгоревшего дома.

И эта ночь...

Это было что-то.

Даже с Тэдом у нее никогда не было такого. Ее учитель, во всем, от профессии, до секса, никогда не будил в ней такой страсти, такого чувственного голода, как Дэвид.

Вчера, ей казалось, что она умрет, если он немедленно не возьмет ее, и это повторялось снова и снова. словно бы, стоило его телу чуть отдалиться, и на нее набрасывалась опустошенность, злобно вонзая зубы в душу Бастет. А секс с ним..., он убирал это, делал ее недостижимой для пустоты, которая так долго была частью жизни, даря ей странное чувство полноты и защищенности.

Бред, безусловно. Но...

Это было... неожиданно, а оттого, настораживающее и странно.

Никто после гибели Тэда не затрагивал ее. Ни на кого она не обращала внимания после того, как похоронила человека, которого, как всегда считала, любила.

Но теперь, ей уже сложно было говорить с уверенностью. Ее память подрастеряла моменты, которые подпитывали бы в ней подобную уверенность. Осталась только глухая обида за то, что он когда-то втянул ее во все это, когда она была еще ребенком, а потом..., бросил, оказавшись слабее. Проиграл более сильному, когда не имел на это права.

И с каждым пустым днем существования, обида понемногу перерастала в ненависть к мертвому.

Подчиняясь давлению тела Дэвида, она забыла и об этом. Он оказался неожиданно сильным. Не таким, каким она могла бы себе представить владельца увеселительного заведения.

Бастет почти могла поклясться, что Дэвид был подобен ей.

Он был хищником.

Хитрым, опасным, смертоносным. И, в отличие от самой девушки, он не испытывал пустоты, полностью удовлетворенный сознанием того, кем являлся.

Она нутром это почувствовала, врожденным инстинктом наемников, издалека определяющих своих по неясным и незаметным признакам. Но не собиралась спрашивать.

Хм, похоже, что она всерьез рассматривает идею еще одной встречи.

Бастет встала из теплой воды, в которой лежала все это время, и повернулась перед огромным, выше ее роста, зеркалом, занимавшим большую часть противоположной стенки.

Дэвид был очень сильным. Ее тело прекрасно ощутило это, и большинство мышц сладко ныло, напоминая о настолько приятном времяпрепровождении. На груди, покрытой капельками воды, чуть ниже ключицы, темнел небольшой синяк, который он оставил ей, как свою метку.

Она усмехнулась, уверенная, что ее ногти оставили на нем гораздо больше отметин, но никто из них не заметил этого. И начала тяжелее дышать, вспоминая, как его плоть погружалась в нее, заставляя терять разум.

Он настолько дезориентировал ее, что она, даже не задумываясь, назвала Дэвиду свое настоящее имя, когда мужчина спросил. И опомнилась лишь в тот момент, когда губы свело от непривычного звучания того, что столько лет было под запретом.

Но было уже поздно.

Софи... Глупое имя. О чем думали ее родители, когда называли так? Хотя, очевидно, им и в голову не приходило, что их дочь станет киллером. Она не была хрупкой, утонченной или нежной, как какая-то Софи... пфф.

Дэвид только странно усмехнулся, когда услышал это имя, с такой же ленцой, как и обычно, которая была в каждом его движении и улыбке. И которая, она могла спорить на это, была сплошь напускной.

Черт! Софи не была уверена, кто из них окажется сильнее, доведись им посостязаться. И это было тем, что добавляло остроты их сексу. Тем, что каждый ощущал, но не осознавал до конца, не желая думать о чем-то, кроме утоления желаний тела этой ночью.

Но теперь-то — было утро. А она, все равно, реально размышляла о том, чтобы вернуться в "Темный рай".

Бастет не знала убийц по имени Дэвид. Но и наемниц с именем Софи — никто не знал. Никто не был придурком настолько, чтобы работать под своим именем, даже желторотые новички. Тем более, профи.

Дэвид был профи..., вот только, в чем?

Был ли он из них? Или же, работал в другом измерении? Выполняя заказы не дельцов, а государства? Да и работал ли он еще, или устранился от дел, занимаясь тем же клубом?

Слишком много вопросов, чтобы Бастет могла чувствовать себя расслабленно.

Но разве не этого она и искала? Того, кто был бы сильнее.

Разве ей не было все равно?

Тряхнув мокрой головой, Софи отвернулась от зеркала, не заботясь о том, чтобы вытереться, и пошла в гостиную. Ей стоило собираться. Сегодня, довольно неожиданно, для Бастет нашлось дело, и она с удовольствием возьмется за него.

А после, как обычно, прогуляется по парапету какого-нибудь небоскреба, решая, увидеться ли сегодня ночью с Дэвидом, или, наконец-то... упокоиться.

— Я не работаю, ты же знаешь, Кев. Это уже не развлекает меня, — Дэвид одарил мужчину, сидящего перед ним, ничего не значащим взглядом, и снова посмотрел в окно, всматриваясь в наступающие на город сумерки. Ему было интересно, придет ли Софи сегодня, или же придется искать ее?

Она испугалась, он почувствовал это. Как и то, что не так уж проста была эта крошка, как можно было подумать, наблюдая за ее танцами прошлой ночью.

Но, черт, ему хотелось, чтобы она вернулась. Давно никто настолько не интересовал его, как эта девочка.

На миг, ему даже показалось, что она..., да нет, он хмыкнул, прерывая собственные мысли. Уж больно крошка была хрупкой. Не то, чтобы Софи не смогла удержать оружие... И да, в ней была сила, он чувствовал, насколько тренировано ее тело, и это помогало им обоим получить еще больше удовольствия, сделав ночь ярче и насыщенней, однако...

— И все же, никто не может достать ее. Мы нанимали самых лучших, оставшихся в деле после твоего ухода. Но никто не справился. Мы готовы на любые условия, — голос представителя заказчика прервал его мысли, отрывая от приятных воспоминаний.

Дэвид нахмурился и раздраженно обернулся к говорившему, но на лице так и не отразилось ничего, кроме безразличия.

— Я не работаю больше. Что непонятно, Кев? — Посредник побледнел, зная, что с ним лучше

не спорить. А потом, резко вздохнул и бросил на стол большой конверт.

— Это так, на всякий случай, если ты передумаешь. Здесь несколько ее жертв, чтобы ты имел представление, как работает Бастет, — мужчина встал, направляясь к двери.

— Почему, именно сегодня решили обратиться ко мне? — Дэвид не повернулся, так и глядя в окно, но мужчина не мог не чувствовать, что ему известно о каждом его движении. И даже о том, как нервно дернулся кадык на его шее, оттого, что пришлось задержаться здесь.

— Верхнее фото в конверте. Сегодня она перешла черту их терпения, — посредник так и замер у двери, не решаясь ни вернуться к столу, ни уйти без позволения хозяина кабинета.

— Уходи, Кев, — Дэвид даже не двинулся, чтобы посмотреть на содержимое конверта.

— Они готовы ждать, пока ты подумаешь...

Дэвид развернулся вместе с креслом, насмешливо, почти лениво приподнимая бровь, и с удовлетворением отметил, как лоб его собеседника покрылся испариной.

— Я польщен. Убирайся, Кев, — и опять отвернулся к окну, не испытывая ни малейшего сомнения в том, что мужчина сделает так, как было велено.

Мягкий щелчок двери подтвердил его уверенность.

Дэвид на секунду задержался глазами на отражении конверта в стекле, но потом, хмыкнув, снова перевел взгляд.

Это, в самом деле, просто не было уже ему интересно. Никогда не находилось достойных противников. Все были слабее. А если не было азарта, не могло быть и удовлетворения от победы. Он не убивал ради денег или самого убийства.

Уже не убивал. Мог позволить себе это. Если Жнец выходил на охоту, он давно делал это ради адреналина и удовольствия. Но уже так давно не было никого, кто был бы достоин этого всего...

Сейчас, его больше привлекала охота иного рода.

На одну крошку, которая сумела зацепить его чем-то. Он мог поспорить, что она вернется..., но, если сегодня Софи не появится в "Темном рае" он сам отправится в город, и будет искать девочку. Уж больно понравилось ему то, что было у них ночью, и Жнец хотел бы до конца, по максимуму выжать из этих отношений. Софи зажигала его. А это мало кто мог, в любой области. И Дэвид готов был, как ждать, так и действовать, чтобы обеспечить новую встречу.

Смерть, в который раз, обманула ее, а потому, Софи опять танцевала в его клубе.

Только в этот раз, Дэвид не позволил ей делать это в зале.

Странно, она искренне удивилась, когда в его серых глазах вспыхнул дымчатый огонек, на ее, высказанное желание потанцевать в том же месте, что и накануне. И вместо этого, встретив ее у входа, очевидно, приказав своим охранникам сразу ему сообщить, если девушка появится, он взял ее за руку и, не сжимая, но четко давая понять, кто хозяин положения, привел Софи в этот..., хм, VIP-кабинет, над тем залом, ди-джей которого так понравился ей прошлым вечером.

В принципе, она танцевала для себя, так что ей было все равно, где это делать.

И даже интересным казалось, чуть изменить ракурс, танцуя для него.

А потому, с легкой усмешкой скинув туфли, и вспорхнув на стол, она отдалась ритму, пользуясь тем, что наконец-то, может позволить себе медленно и неторопливо рассмотреть этого мужчину.

Благо, стол был прикручен к полу, иначе, надо было бы больше внимания уделять удержанию равновесия. А так — все ее внимание было направлено на него одного, и похоже, Дэвиду это нравилось.

Он сидел с довольной усмешкой, откинувшись на спинку кожаного дивана и расстегнув единственную пуговицу на своем пиджаке, чуть прищурившись, наблюдая за ней.

Как и вчера, он был в черном. Пиджак, рубашка, джинсы — все цвета безлунной ночи. Впрочем, нельзя не признать, что такая гамма весьма шла ему, прекрасно оттеняя серые глаза, и не менее темную шевелюру.

Этот мужчина был слишком красивым, но не той красотой, которую можно увидеть при первом взгляде, даже не при втором, в общем-то. Черты его лица были резкими, словно Творец их не лепил из глины, а высек из камня. Да и вообще, в этом мужчине не было ничего мягкого, в чем она имела великолепную возможность убедиться вчера, и что ей, определенно, понравилось.

Только губы выбивались из общих резких черт. Они были слишком чувственными. Словно бы не к месту, находясь на этом лице. Но такое впечатление сохранялось лишь до того момента, пока он не сжимал их, одним небольшим изменением угла усмешки, заставляя людей бледнеть и дрожать. У нее была великолепная возможность убедиться в этом несколько минут назад, когда он без слов, сделала выговор помощнику. Это впечатлило ее.

Софи плавно качнула бедрами, в такт музыки, приближаясь к Дэвиду, и резко, подчиняясь звучанию мелодии, льющейся из динамиков шикарной стереосистемы, почти рухнула на колени у самого края стола, упираясь ладонями в полированную поверхность.

Мужчине это понравилось. Он видела, как раздулись его ноздри, когда он втянул воздух в себя, и как чаще запульсировала точка над его сонной артерией, когда Софи прогнула спину и запрокинула голову, проводя по губам язычком, еще немного приближаясь к нему.

Ее нынешнее платье, едва ли превосходило по длине вчерашний наряд. Возможно, даже было короче. Но сегодня, она рассчитывала не танцевать, разве что с Дэвидом..., в постели. И для этих целей, тонкое атласное платье бледного золотистого цвета вполне подходило.

На ней не было белья. Вчера оно мешало им. И вот в таком положении, на коленях, упираясь ладонями в стол, стоя прямо перед ним, Софи открыто демонстрировала все преимущества этого наряда Дэвиду.

И была точно уверена, что мужчина оценил, наблюдая, как напряглись мышцы его челюстей, когда взгляд серых глаз скользнул в вырез, останавливаясь на сосках, уже сжавшихся в темные горошины от одного предвкушения его прикосновения. И усмешка на его, таких соблазнительных губах, стала шире, когда Дэвид одобрительно приподнял бровь, показывая, что ему нравится такой подход к выбору одежды.

— Не хочешь повернуться спиной, детка? — Дэвид медленно выпрямился, упираясь локтями в

расставленные бедра. — У меня появилось интересное предположение... — он чуть прищурился, давая ей понять, какого рода идея возникла в его голове. — Хотелось бы проверить, прав ли я.

— Я никогда не поворачиваюсь ни к кому спиной. И ни у кого нет силы, чтобы заставить меня.

Софи ответила усмешкой на его предложение, выпрямляясь и скользя ладонями по контурам своего тела, позволяя бедрам плавно разъехаться в стороны, вот-вот маня обещанием ответа на его вопрос...

Но все же, длина платья оказалась достаточной, чтобы лишь заинтриговать еще больше. Софи свела бедра, свободно скользя чулками (единственным, что было на ней кроме платья), по гладкой поверхности, снова опираясь на колени. И не обращая внимания, что в ответ на ее слова, что-то вспыхнуло в глубине его глаз, опять позволила своим ногам разойтись, замирая на середине движения, и танцуя..., так, словно бы его тело было под ней, его чресла между ее бедрами, и она двигалась в самом древнем в мире танце.

Софи заманивала своего партнера таким представлением, закрывая веки и откидывая голову, наслаждаясь каждым звуком, каждым движением, заводя руки за голову, поднимая темные пряди...

Она слышала, что мужчина встал, но оказалась не готова к словам, которые Дэвид произнес, заставляя распахиваться ее веки, когда он обхватил ее талию ладонями так, что почти полностью накрыл бедра и живот.

— Думаю, у меня, Софи, силы достаточно, — он легко приподнял ее над столом. — Но я не заставляю, — хрипло проорчал он ей в ушко, уже начиная разворачивать, почти прижав ее к своей груди спиной, так и удерживая горячую руку на ее животе, не позволяя отодвинуться. Давая почувствовать, что ее танцы не оставили его равнодушными. Твердая, напряженная выпуклость в его паху удобно устроилась между половинками ее попки, чуть давя грубой тканью. — Просто показываю, что и тебе это доставит удовольствие, крошка. Спорим?

— Попробуй, — как можно уверенней постаралась произнести она. И попыталась извернуться, показывая, что принимает спор.

Усилие не принесло результата, и это... дезориентировало.

Губы Дэвида захватили ее ухо, облизывая его языком, а потом, скользнули ниже, целуя затылок. Его бедра толкнулись, заставляя сбиться ее дыхание от воспоминаний о том, что она ощущала, когда он вот так, толкался внутри нее. Посылая беспомощную дрожь по всему телу. Так, что пальцы ее босых ступней, затянутых в чулок, поджались от этого удовольствия подчинения. А она..., черт побери, не смотря на всю свою ловкость и силу, не смогла вывернуться, ускользнуть. И не могла бы сказать, не было ли причиной то, что Софи просто не хотела этого делать...

Его руки, так крепко, но в то же время, странно нежно, почти бережно держали ее, словно она была хрупкой и в любой момент могла разбиться.

Музыка лилась из динамиков, создавая ощущение, что они находились в другой реальности. Там, где все что угодно, могло быть вероятным.

С ней никто так не обращался. И видя расчетливого хищника в Дэвиде, такого же, какой была сама, она не могла не задаться мыслью, не оказался ли он слишком умным, угадывая такую

деталь. Рассчитывая, что этим обезоружит ее? Что ж, она не могла не признать, что имей такой план место — он оказался весьма и весьма успешным.

Софи моргнула, ощущая, как тело предает ее. И, хуже того, разум почти готов признать его доминирование. Дьявол! Он, в самом деле, казался достаточно сильным, во всяком случае, ее попытки высвободиться, пока не дали результата.

Неужели, она наконец-то нашла достойного противника?! Кто бы мог подумать, что Бастет найдет его в таком месте?

Ее голова откинулась, в надежде придавить его кадык, и заставить мужчину хоть немного отступить, а рука скользнула назад, стремясь нащупать болевую точку. Но Дэвид усмехнулся, разгадав этот маневр.

— Неплохо, крошка. Но, со мной — не пройдет, — прошептал он в темные пряди ее волос, и легонько царапнул зубами нежную кожу на затылке Софи, перехватывая тонкую кисть. Дразняще кусая при этом.

— Оох, черт..., - этот мужчина забирал у нее всякую волю, несмотря ни на что, подавляя ее. Так не должно было быть.

Бастет попыталась разжать его пальцы на своей талии, но добилась лишь того, что Дэвид захватил и эту ее кисть, осторожно, но бескомпромиссно, заламывая, заводя за спину, где уже удерживал другую руку. Ее запястья были слишком тонкими, и он оказался вполне в состоянии удерживать их одной ладонью.

Какого черта?! Почему это далось ему настолько просто?!

Но Софи обманывала себя, прекрасно зная причину и ответ на вопрос. Еще спрыгивая с бортика очередной крыши, впервые за семь лет испытывая радость, что смерть и в этот раз убежала.

Вторая рука мужчины, до этого лежащая на ее животе, скользнула вниз, властно накрывая сквозь тонкую атласную ткань платья ее промежность. И не прошло и нескольких секунд, как материя оказалась промокшей насквозь от влаги, которая едва не текла из нее от такого возбуждения. От того, что нашелся кто-то, кого можно признать сильнее.

— Похоже, моя догадка оказалась правильной, не так ли, крошка? И никакого белья — нет, — он сжал ткань платья между пальцами, и тонкая нить не выдержала натяжения, когда мужчина потянул за край, с тихим треском расходясь доверху. — Сдаешься? — Губы Дэвида спустились ниже, в ложбинку начинающегося изгиба спины, между ее лопатками, в то время как его пальцы уже скользили по влажным складкам, дразня, возбуждая еще больше.

— Нет..., - ее голос показался ей странно хриплым, почти жаждущим. Она прикусила губу, чтобы не выругаться..., или не начать умолять, чтобы он продолжил, введя в нее свои пальцы. Софи уже была вполне готова для этого, хотела его принять. Но все равно, сопротивлялась.

— Я рассчитывал на такой ответ, — тихо засмеялся Дэвид, захватывая верхний край платья зубами и, все еще не отпуская ее рук, начиная стягивать разорванную ткань с плеча.... правого..., того, где лукаво усмехалась Бастет.

Несмотря на весь угар вождления, Софи дернулась, почти заваливаясь на поверхность стола, чувствуя, что теряет дыхание от тяжелого мужского тела, потянувшегося за ней,

придавливающего, но и удерживающего от удара. Дэвид не отпустил рук Софи, не позволяя ей упасть окончательно, плавно опустив на столешницу. И жестко придавил своим торсом, не давая сдвинуться, упираясь своим напряженным, возбужденным пахом в ее тело. Пальцами, так и продолжая скользить по ее клитору, натирая. И этой лаской, заставляя ее извиваться, трясь об его тело, усиливая предвкушение в обоих.

— Думаю, что у тебя нет выбора, Софи, и придется сдаться, — Дэвид оттянул ткань, оголяя спину девушки, избавляя от порванного платья. — Но теперь, тебе придется постараться и убедить меня, что ты искренне признаешь свою капитуляцию, — он легонько лизнул впадину вдоль ее позвоночника, а потом подул, вынуждая кожу Софи покрываться мурашками.

Она тихо прерывисто вздохнула, едва не начиная стонать, и поняла, что мимовольно, уже приподнимает бедра так, чтобы ему было удобнее.

Это было так... подавляюще. Оказаться под ним, спиной к противнику, обездвиженной им, с заведенными за спину руками, придавленной его телом... И, в то же время, так остро-сладко, было ощущать, что и он возбужден этой игрой-соствязанием, так тяжело дышать от ощущения его губ на своей коже, от царапающих легких укусов, которыми Дэвид дразнил ее шею... Она не сдержалась, забывая, отчего вырывалась минуту назад.

— Пожалуйста, — тихо прошептала Софи, прогибаясь так, чтобы его пальцы, наконец-то, оказались у входа во влагалище.

— Нет, детка, я не слышу, — он прикусил ее плечо, продолжая стягивать платье, и начал рисовать круги и спирали на самой нежной ее плоти, еще больше дразня, почти подводя к грани, но, не давая желаемого.

— Дэвид, пожалуйста... — уже громко, простонала она. Но и это не принесло желаемого результата.

— Нет, крошка, я хочу услышать не это, — он зажал чувствительный бугорок клитора между пальцами, показывая ей, что еще очень долго может водить Софи по самой грани, не позволяя испытать оргазма. — Я хочу, чтобы ты сказала: " пожалуйста, Дэвид, возьми меня сзади, потому что ты сильнее. Сделай так, чтоб я кричала". И так? — один его палец скользнул внутрь ее тела, заставляя конвульсивно сжиматься мышцы в предчувствие оргазма.

Но, дьявол раздери все, этого было мало!

— Не дожدهшься, — возмущенно прошипела Софи, игнорируя то, что голос прерывается от желания. И ахнула, когда он сильнее вжался бедрами в ее попку, почти распластывая на столе, давая всей передней поверхностью тела почувствовать прохладное касание полированного дерева.

— Я жду, детка... — его губы приблизились к уху Софи, снова терзая нежную кожу затылка и шеи, пока его плоть, все еще отгороженная от ее тела тканью вжималась плотней.

Музыка, окружающая их, достигла своего апогея, и... она не выдержала этого напряжения, сдалась, со стоном признавая свою капитуляцию.

— Возьми меня сзади, Дэвид, пожалуйста, — чуть ли не простонала она, снова прогибая спину, не замечая, что ее платье, или то, что от него осталось, болтается, удерживаясь только на локтях.

— Почему, Софи? — она ощутила, что его рука, удерживающая ее кисти, ослабила хватку, и услышала звук расстегиваемой ширинки. — Мне нужна причина, — его горячая твердая плоть коснулась ее кожи, когда он удобней устраивался между ее ягодиц.

— Потому что ты сильнее, — с трудом возвращая дыхание, проговорила она, позволяя ему развести свои руки, полностью снимая с нее платье. И замерла, в предвкушении... но он все равно медлил, и это заставляло Софи закусывать губу от нетерпения. Его ладони, накрыли ее попку, гладя, разводя, сминая, пропуская плоть мужчины к влажному и жаждущему лону. Но так медленно, что у нее не хватало выдержки.

— Черт возьми, Дэвид, ты не мог быстрее? — она повернула голову, кладя щеку на прохладную поверхность, и вопросительно подняла бровь, смотря в его глаза, задыхаясь от того, что прочитала в ответном горящем взгляде. Он был не так уж и невозмутим, но явно лучше держал себя в узде, чем она.

— А зачем мне торопиться, детка? Предвкушение делает все гораздо острее, — усмехнулся он, наклоняясь, и целуя уголок ее губ, облизывая контур.

Она извернулась, ответным движением, требуя более сильного поцелуя, более яростного проникновения, везде, по всем параметрам.

— Потому что я хочу этого, дьявол тебя раздери! — Почти крикнула она, тянясь за его губами.

— Я рад, что ты смогла признать это.

Его слова потерялись для нее в маленьком взрыве личной вселенной, когда его плоть, наконец-то, резко, беспощадно, проникла в ее лоно.

Но, черт возьми! Как же ей это понравилось. Софи закричала от этого толчка, растянувшего, наполнившего ее тело в таком, неизведанном ею положении. И даже пожалела, что избегала подобного. Хотя, с другими — было бы не так, она это точно уже знала, с радостью и стоном, встречая каждое новое погружение горячей плоти Дэвида, настойчиво входящей в нее, не дающей сдвинуться и на миллиметр.

— Вот видишь, — хрипло, тяжело произнес он, сопровождая каждое слово новым погружением своего тела в ее лоно. — Это совсем просто, Софи — покориться мне..., — Дэвид замолчал, на секунду замирая, утыкаясь лицом ей в спину, между лопаток, и она ощутила, пусть и с трудом что-то воспринимая, как он мягко целует ее кожу.

— А, чтоб его! — мужчина возобновил движение, упираясь ладонями в стол по сторонам от ее головы, лаская губами затылок. А потом, резко, с силой обхватил ее талию, фиксируя бедра, подчиняя своему ритму, делая еще глубже толчки. — Это просто не может быть настолько... — прошептал он, не совсем понятно, но Софи было не до выяснений.

От такого его ритма, она снова начала содрогаться в оргазме, царапая пальцами стол, в который упиралась ладонями. Крича от удовольствия. От того, что и Дэвид, хрипло застонав, в последний раз толкнулся, кончая, наполняя ее пульсирующим ощущением своего оргазма.

Глава 3

Он плавно вел пальцами по ее плечу, левому, едва касаясь. Понимая, что и такое ощущение может разбудить Софи. Сегодня она позволила себе то, от чего вчера, он не сомневался в этом,

пришла бы в ужас. Крошка заснула возле него, уткнувшись лицом в шею Дэвида.

Но, даже во сне, Софи сделала все, чтобы спрятать правое плечо.

Разумная предосторожность. Она не могла не почувствовать опасность, исходящую от него. Только поздно было прятать татуировку, которую он успел заметить еще на том столе.

Дэвид крупно облажался, расслабившись за эти пару лет.

Сильно хрупкая, пфф. Словно габариты помешают ей держать снайперскую винтовку или пистолет. Наверное, Софи попыталась бы убить его, если бы узнала, что он сомневался в ее возможностях.

Такая мысль заставила усмехнуться его. Не то, чтобы он позволил ей нечто подобное. Но было бы забавно понаблюдать за ней в деле. И еще забавней, пожалуй, было бы признаться девочке, что он — Жнец.

Состязание с Бастет добавило бы ему азарта и адреналина, не хуже чем секс с нею же.

Он мог бы поклясться, что крошка, и в этом, не разочаровала бы его, как и во всем, что делала. Впрочем, в их встречах и так, было немало драйва. А у Софи, если он правильно понимал ситуацию, и без этого, назревали серьезные проблемы.

Он слышал о ней, когда еще был в деле. Они никогда с ней не пересекались и, судя по тому, что Дэвид знал об этой наемнице, такой вариант был лучшим..., на самом деле.

Потому что, доведись им встретиться пару лет назад, когда он еще работал — встреча закончилась бы чьей-то смертью. А он был слишком самоуверен, чтобы считать себя слабей. Сейчас же..., Дэвид был доволен, что она жива, и находится в его постели.

Бросив взгляд на циферблат наручных часов, он подумал, что вполне может поспать и сам, наслаждаясь теплом прижавшейся к нему Софи. И решив, что четырех часов должно быть достаточно, крепче обнял крошку, почти накрывая ее своим телом.

Она ушла.

Нет, ей не удалось уйти незамеченной, Дэвид прекрасно знал, когда Софи проснулась, и выбралась из его объятий.

Так же, как и ей было известно, что он знает об этом, наблюдает из-под полуприкрытых век. Но... Бастет упорхнула в неизвестном направлении, а он не знал, куда, и не был уверен, что готов с ней расстаться. Не сейчас, по крайней мере.

И странное чувство, греющее душу, которой у него не должно было остаться, от того, что Софи ушла, прихватив с собой его рубашку, укутавшись в нее, взамен порванного им платья — лишь больше укрепляло его в этом подозрении. Он к ней... привязался, пожалуй, как ни странно это могло для него звучать.

Раздраженно хлопнув дверью кабинета, то, чего никогда не позволял себе, даже в очень не уравновешенном состоянии, Дэвид быстро направился к столу. Поверх бумаг все еще валялся брошенный Кевом конверт, который Дэвид не собирался рассматривать.

И сейчас такого желания не было. Но Жнец знал правила.

С момента предложения прошло четырнадцать часов. Два часа назад, не дождавшись звонка от него, заказчик перенаправил заказ другому.

Знала ли Бастет об этом? Имела ли представление, что на нее объявлена охота вне правил?

Он не удосужился спросить, догадываясь, что данная тема не будет воспринята с радостью. Потому, Дэвид собирался проверить все на месте.

Он желал иметь Софи. Не задумываясь над причиной и поводом подобного устремления. А Дэвид привык получать желаемое. Всегда. Любыми способами. Не глядя на цену.

Стопка фотографий, на которые Дэвид не собирался тратить время, высыпалась на стол. Но Жнеца интересовал лишь листок бумаги с адресом и временем задания, которое Софи предложили, чтобы точно обозначить место для того, кто должен убить Бастет. И сжав кулак с этой бумажкой, он сунул ее в карман джинсов, краем глаза, все же, цепляясь за снимки, разбросанные по столу. Дэвид хмыкнул и, не удержавшись, испытывая интерес, протянул руку, рассматривая фото ее работы.

Что ж, девочка была профи. Одной из самых лучших. Он не мог не признать этого, судя по снимкам, и сопровождающим их надписям. Почти самой лучшей..., почти.

Не было ничего удивительного в том, что они рискнули обратиться к нему с заказом, прекрасно зная, что не так и легко будет достать ту, которая так выполняла задания.

И судя по тому, что до сих пор ее не достали, Софи была не глупа, и оглядывалась.

Однако было что-то у нее внутри, что Дэвид ощутил сразу, едва увел за руку с той танцплощадки. Какая-то тоска, надломленность. Горечь. Почти обреченность. Он не был бы профессионалом, если бы не заметил этого.

Бастет устала. Дэвид знал, как это бывает.

Но помимо усталости, что-то еще подтачивало девочку изнутри. То, что толкало ее на эскапады подобные нынешней связи с ним. То, что могло привести к ее поражению в этой борьбе.

Софи не была дурой, и не могла не понять, как опасно ей может быть связаться с таким, как Дэвид. Не могла не разглядеть в нем собрата. Не понять, что ходит по самому краю. И все же, она пришла вчера снова. И осталась на ночь...

Бросив снимки, не обращая внимания, что большая часть посыпалась на пол, он быстро подошел к сейфу, вмонтированному в стену, набирая код. Пальцы, на одну секунду, замерли над винтовкой, но двинулись дальше, выбирая пистолет, и глушитель к нему. Это будет в самый раз. Сегодня Жнец не собирался стрелять с дальнего расстояния. Он будет впритык к жертве. Значит, пистолета — достаточно.

Этот заказ был неожиданным, сложным, но Бастет всегда принимала вызов. Ей нечего было терять. Только... Откуда в ней это сомнение?

Тем более что заказ был проверенным. Источник — надежным. И все же, тревожный звоночек звенел внутри, не давая расслабиться и обрести покой, полностью погружаясь в подготовку.

Выругавшись в тишине квартиры, Софи глубже укаталась в рубашку Дэвида. Этот мужчина...

Черт его раздери! Это в нем была причина того, что в душу Бастет закрались сомнения. Он был виновником того, что обычная безысходная обреченность покинула ее, сменяясь неуверенностью и непонятным трепетом.

Дэвид был сильнее. И заставил Софи признать это.

Дыхание девушки стало прерывистым, когда она вспомнила, как именно он добился подобных слов от нее. Что-то изменилось в Бастет. Нечто, подозрительно напоминающее стремление выжить...

Бред... Или нет?

Ради чего ей жить? Ради неясного интереса?

Таймер часов пропищал, вырывая Бастет из задумчивого настроения.

Время.

Девушка встала, лишь еще на миг, позволив себе оставить черный хлопок на теле. А потом, одним решительным движением, скинула сорочку, начиная надевать привычный костюм, в котором любила работать. И опустившись на колени, достала из тайника в полу сумку с винтовкой. Ей некогда было раздумывать. У Бастет было дело. А после, она как обычно, верит все судьбе, и собственному чувству равновесия, гуляя по парапету над пропастью.

В этот раз дождя не было, но уличное движение, как всегда, вносило коррективы во время прибытия жертвы. Это не мешало ей. Бастет привыкла ждать столько, сколько потребуется. Ей торопиться некуда. До вечера, еще много времени..., если судьба и сегодня будет милостива с ней.

Она скривилась, недовольная таким ходом мыслей, и сосредоточилась на подъезде к стоянке, за которым наблюдала через прицел.

Что-то Бастет становится слишком популярной. Три заказа за неделю, да еще и попавшие подряд. Ей не нравились такие совпадения. Стоило на время залечь на дно. Надо было осмотреться.

Раньше, она не задумывалась об этом. Впрочем, и сейчас, ее тоска не была поводом уступить тому, кто слабее. А сильных — не было.

Дэвид... Ад!! И тут мысли о нем преследовали ее, заставляя отвлекаться. Черт! Да, он был тем, кому можно было проиграть, но...

Отблеск, которого не должно было быть, заставил ее тело среагировать до того, как разум осмыслил изменения. Она откатилась со своего места, стремясь сжаться, как можно скорее отодвинуться с траектории. Руки вскинулись сами собой, а глаза стремительно искали через цифровой прицел причину этой непонятной тени.

Если сделать единственно верное предположение — то выходило, что кто-то целился в нее. Но, будь это так, выстрел уже достиг бы цели...

На крыше соседнего здания ее напряженный взгляд уловил уплотнение тени. Она сморгнула, пожалуй, впервые за долгие годы, испытывая растерянность, и попыталась сфокусировать

зрение.

А сделав это, крепко выругалась, понимая, что у нее нет выхода, и ей объявили пат.

На соседней крыше стоял Дэвид.

Она не сомневалась в том, что это он. Сейчас, ей казалось, что и в абсолютной темноте, Софи бы узнала, ощутила его. Черт знает с чего, такой бред лез в голову, но...

Дэвид смотрел ей прямо в глаза, держа во вскинутой руке пистолет, направленный на нее, а на крыше, возле его ног...было тело...

Какого черта?!

Если подумать, то...

Но думать — времени не было. Ей надо было быстро принимать решение.

Не он был тем, кто целился в Бастет несколько минут назад. Очевидно, тот, кто это делал, сейчас и лежал мертвым у ног Дэвида.

Зачем? Устранить конкурента? Сколько за ее голову платят? Сумма должна была быть колоссальной, она имела некоторое представление. Но Дэвид не выглядел тем, кто нуждался в деньгах. Софи имела возможность составить о нем мнение. Азарт? Вызов?

Она не знала, что руководило этим мужчиной. Не сейчас. Не в этом вопросе.

Все, что знала Софи — это то, что выхода у нее не было.

Дэвид стоял возле надстройки лестницы над крышей. Он зайдет за нее, до того, как пуля из ее винтовки долетит до цели. Она не успеет сделать второй выстрел. Он — успеет ответить. Бастет нашла того, кто был сильнее. Теперь — проиграть было не стыдно.

Резко выдохнув, не понимая выражения его лица, с которым мужчина на соседней крыше ждал ее действия, словно предоставив Софи возможность самой принять решение, как ей хотелось бы умереть, она нажала на курок, целясь в кабинку, у которой тот стоял. Зная, что он поймет, что Бастет признает поражение, кем бы Дэвид, раздери его бес, ни был.

И, не глядя больше в прицел, Софи отвернулась, поворачиваясь к нему спиной.

Опустила голову, не задумываясь уже над тем, что подставляет затылок и, упираясь ладонями в парапет ограждения, закрыла глаза, набирая воздух в легкие.

Он — был сильнее. Она ведь знала это.

Однако было неправильное что-то во всем этом...

Прошло больше пяти секунд, а выстрела не последовало. Отчего он медлит? Софи не верила в милосердие. Его среди наемников не было. И их ночи ничего не значат в этом. Не для него. Не для таких, каким был Дэвид.

Тэд убил бы ее, доведись им оказаться по разные стороны прицела. Если бы Софи позволила. А этот мужчина был во стократ опасней ее учителя. Но она догадывалась, на что шла, когда возвращалась ночью в клуб. Хотела рискнуть и проиграла. Се ля ви...

Она видела выражение лица Дэвида в окуляре цифрового прицела — не было никаких сомнений, что мужчина пришел сюда за смертью. Так, отчего же, она еще дышит?

Резко обернувшись, она уставилась на соседнюю крышу, с удивлением и... опустошенностью (?), понимая, что кроме трупа — там никого не было.

Он ушел.

Посчитал ее слишком легкой добычей? Недостойной затраченных усилий? Не заслуживающей выстрела?

Даже выругаться желания не было. Стало все равно.

Она не сможет больше работать. Коль уж на нее вышли сразу двое, выйдет и третий. И задание, очевидно, было чистой воды подставой, чтобы облегчить задачу ее убийцам.

Он не мог не понимать этого. Не знать, что смертный приговор Бастет уже подписан.

Его выстрел решил бы все быстро. Теперь же, у нее не было ни шанса на спасение, ни легкой смерти.

Дьявол! Она почти рассердилась на него!

Только...это не было превалирующим.

Опустошенность затапливала ее, сковывая все внутри холодом, там, где, казалось бы, так давно ничего не должно было быть.

Она так устала. И не видела выхода — просто потому, что его не осталось. И бороться больше сил не было. Бастет искала и нашла более сильного, того, кому проиграть не было слабостью. Но он посчитал ее недостойной подобного исхода, обрекая на более сложную смерть.

Что ж, у Софи был иной выбор.

Не задумываясь, отчего к опустошенности и привычному безразличию, примешивается странная боль и обида. Не задаваясь вопросом, что заставляет ее закусывать губу и обжигает щеки влажным касанием под ледяным ветром, Софи легко вспрыгнула на парапет, испытывая полную уверенность, что сегодня смерть примет ее, а не убежит с улыбкой.

Раскинув руки, Бастет сделала шаг, с удивлением понимая, что ни черта не видит, из-за странной пелены, затягивающей глаза, из-за слез, от которых отвыкла так давно.

Ветер был слишком сильным. Не стоило этого делать тут, на таком доме. Но, какого черта, ей уже дрейфить?

Софи сделала глубокий вдох и, улыбнувшись, запрокинула голову, глядя в пасмурное небо. Она не обращала внимания на то, что пряди волос лезут в глаза, в рот, развеваемые таким сильным ветром, просто смотрела на тучи. А потом, закрыв глаза, сделала новый шаг, ощущая, как теряет равновесие...

Она упала. Но не туда, куда планировала упасть.

Сильные руки сдернули ее с парапета, обхватили за пояс, не позволили сорваться. Но, из-за силы рывка, они оба упали на крышу. Дэвид крепко держал ее, своим телом смягчая удар. Однако тут же, едва коснулся пола, перекатился, оказываясь сверху, придавив ее собой.

Софи растерянно, с недоумением, смотрела на его лицо, ни капли не понимая в жестком выражении серых глаз, и не уверенная, что стоит пытаться понять.

— Ты распоряжаешься тем, на что не имеешь права, Софи, — Дэвид криво усмехнулся, не обращая внимания на ее попытку высвободиться. Просто, чуть сильнее надавил бедром, фиксируя ее ноги. И она могла ощутить, что он наслаждается этим. Дерьмо. — Я сохранил тебе жизнь. И теперь я распоряжаюсь ею, — одна его рука обхватила щеку Софи, и она ощутила, как ее обледеневшая кожа впитывает его тепло. Пальцы мужчины скользили по ее скуле, и Софи далеко не сразу поняла, что он вытирает ей слезы.

Она не замечала, что продолжает вырываться, по инерции. Потому, что ее так учили. Говорили, что именно так надо. И вместо того, чтобы задуматься над словами Дэвида, которые даже не осознавала, все-таки, пыталась что-то рассмотреть в этом дымчатом взгляде. Что именно? Софи сама не знала.

— Это не для тебя, крошка, серьезно, — Дэвид легко коснулся ее губ своими, в едва ощутимом жестком поцелуе. — И не в твоём, теперь, праве, пытаться покончить с этим таким способом. У меня есть лучше идея.

Вообще-то, она не была с ним согласна.

Не зря, все-таки, Бастет столько лет всех обходила. И чувствуя, как адреналин захлестывает сосуды вместо крови, от всего того, что ее мозг, наконец-то, смог осознать, Софи рванулась из его рук, жесткими пальцами захватывая шею мужчины.

То ли он не ожидал от нее подобного, после попытки самоубийства, то ли просто, не на том сосредоточился, но ей удалось оказаться сверху.

Чем Софи не преминула воспользоваться, с меньшим, нежели вышло у него, успехом, пытаясь придавить Дэвида к полу своим весом. Это было почти нереально, но она справлялась некоторое время. Секунды четыре, по крайней мере.

Пфф...Да, ей самой было смешно.

Вообще, бой в непосредственном контакте не был ее сильной стороной из-за малого роста и незначительного веса. Потому Бастет всегда избегала этого, не позволяя никому приблизиться настолько близко.

Она прилагала всю свою силу, чтобы удержать его руки и спину на холодных плитах крыши. Нависая над ним. Почти касаясь грудью его лица. Игнорируя ухмылку, с которой он это воспринимал.

Хоть и сама не могла понять причины борьбы. Сохранить жизнь? Разве не расстаться с ней она собиралась? Да и не угрожал, как казалось, ей Дэвид.

Ее резервы слишком быстро иссякли, а он, словно ждал этого, перехватывая своими руками ее кисти, и чуть дернув, вынудил Софи распластаться поверх него.

— Впечатляет, детка, — на чувственных губах появилась уже настоящая, довольная

усмешка. — Серьезный результат для твоих габаритов. — Но мне больше нравится играть с тобой в другие игры, — бедра мужчины чуть толкнулись в нее, чтобы у Софи и сомнения не возникло, о чем именно он говорил. — Но мы еще посоревнуемся и так. Только не сегодня, Софи. Тебе надо уходить с этой чертовой крыши, — голос Дэвида утратил веселость, становясь почти ледяным.

— Ты наглеешь, Дэвид, — она уже не вырывалась, восстанавливая силы, и пытаясь привести в норму дыхание. — Я не просила тебя спасти меня или, тем более, лезть в мою жизнь. Отпусти, — она встретилась с ним глазами, почти не надеясь, что он прислушается к этому требованию.

Дэвид хмыкнул на такое возмущение и, перекатившись, поднялся, увлекая за собой Софи.

— Это моя жизнь теперь, детка, я не учитываю твое мнение, уж прости, что меня не прельщает перспектива отдирать тебя с тех плит, — он мотнул головой в сторону парапета, напоминая ей о сумасбродной выходке.

— Да какое твое дело?! Кто ты такой, чтобы решать, что мне делать со своей жизнью?! Бред! — она была искренне возмущена, пытаясь за негодование скрыть смущение и недоумение от такого поведения Дэвида.

Он-то сам понимал, что творил?! На кой черт это ему?!

— Сейчас нет времени, на тебя открыли охоту. Пошли. — Дэвид направился к кабинке лестницы, напрочь игнорируя мнение Софи, и у него была сила, чтобы так поступить.

А она... На нее нахлынуло привычное опустошение. Адреналин переработался мышцами, растратился на возмущение и гнев, и ей стало все равно. Как всегда...

Хотя, нет. Не так, как обычно. Сейчас, с ним, впервые за многие годы, она почувствовала, что можно на кого-то рассчитывать. Хоть немного. Совсем чуть-чуть.

Они спустились по лестнице здания, настолько быстро, насколько это было возможно, так, чтобы их никто не заметил. Дэвид не позволил ей забрать свою винтовку, одним поднятием брови давая понять, что стоит просто забыть об этом. "На некоторое время", добавила она себе в уме, но не была уверена, будет ли так на самом деле.

И точно так же, он не позволил ей и шагу ступить в сторону стоянки, где она припарковала свой автомобиль. Лишь выразительно посмотрел, и тихо отрезал «забудь».

И отчего-то, именно в этот момент у нее родилось стойкое убеждение, что ничего не будет так, как до того момента, когда сегодня она вспрыгнула на парапет.

Ей показалось, что смерть, все же улыбнулась ей, с жадностью принимая то, что Дэвид позволил забрать костлявой старухе с косою. Личину Софи, которая так долго была ее прикрытием, но так и не смогла заменить сущность, не стала смыслом.

Возможно, в чем-то и был прав этот мужчина, который сейчас всем своим видом, подавлял всякое желание задавать вопросы. Такая жизнь никогда не была тем, о чем мечтала Софи. Но и менять что-то, ей было слишком поздно.

Однако она, уже без возражений, села в черный автомобиль с тонированными стеклами, двери

которого он для нее открыл.

По дороге никто из них не говорил.

Эпилог

— Ты зачастил, Кев, — Дэвид посмотрел на вошедшего, едва кивнув, продолжая просматривать в документах то, на что указывал управляющий, сидящий напротив. — Стоило бы уже забыть сюда дорогу.

Посредник заметно напрягся, очевидно, понимая, что не является желанным гостем, и замер у двери, ожидая, пока Дэвид закончит.

Проверив еще два отчета, он поставил подпись и, отпустив помощника, повернулся к Кеву.

— Снова пришел предлагать мне работу? — Дэвид кивнул на освободившееся кресло напротив и с усмешкой наблюдал за размещением в нем своего посетителя. Ему нравилось, что тот нервничал и потел. Приятно было знать, что и через два года после ухода, его еще боятся. И небезосновательно, между прочим. — Это последний раз, когда ты пропущен. Я больше не участвую в деле, Кев. Ты слишком хороший посредник, чтобы этого не запомнить. Притом, сколько ты прожил в этом бизнесе..., - Дэвид приподнял бровь и сжал губы, давая почувствовать свое недовольство.

Мужчина напротив него нервно сглотнул.

— Я понял, Дэвид, и больше не буду тебя беспокоить. Я по другому вопросу, — Кев достал из кармана платок, и нервно приложил его ко лбу.

Дэвид хмыкнул, наблюдая за этим.

— У тебя проблемы, Кев? Нужна помощь?

— Типа того..., - мужчина глубоко вздохнул. — Я по поводу прошлого разговора. Бастет, помнишь?

Дэвид кивнул, продолжая молча наблюдать за посредником.

— Понимаешь..., тут возникла проблема. И заказчики..., со всем уважением, пытаются разобраться...

— Кев, хватит мудрить. Какого черта ты приперся? — он откинулся на спинку кресла и соединил концы пальцев кистей на уровне груди.

— Хорошо, — тот резко выдохнул, и сжал свой платок в кулаке. — Скажу как есть. Ты не позвонил, и заказ передали другому, как обычно делается, — Дэвид кивнул, продолжая в упор смотреть на собеседника, показывая, что следит за его рассказом. — Но исполнитель не вышел на связь в уговоренный срок. Его нашли мертвым.

— Бастет? — Дэвид, с легким интересом, приподнял бровь.

— Они... не знают. Черт! — Кев снова вытер лоб. — Ее не нашли, она не выходит на контакт, и это нормально, если Бастет засекла, она хитрая тварь, — мужчина наклонился, упираясь лицом в ладони. — Впрочем, все лучшие такие. Не мне тебе говорить. Но... давят на меня!словно я

должен знать, где она и жива ли, а я ее ни разу и в глаза не видел!! — Кев заметно нервничал, и начал говорить уже потоком, с трудом сдерживаясь.

Дэвид не ответил, показывая, что посредник начинает его утомлять своей истерией, и повернулся к окну, словно бы его интересовал туман, опустившийся на город в последние два дня.

Ужасная погода для работы снайпера. Зато хорошо, если надо оказаться к жертве впритык...

— Ее винтовка и все снаряжение осталось там. Это не обычно...

— Хм... — Он не посчитал, что это надо комментировать.

А Кев достаточно долго общался и с ним, и с другими, чтобы понять, что предмет разговора не представляет интереса для Жнеца.

— Что ты от меня хочешь? Я не работаю, и уж тем более, не собираюсь поверять, как кто-то выполнил заказ, — Он не повернулся к посреднику, лениво задавая этот вопрос, удерживая взгляд мужчины в отражении стекла.

— Дэвид, — Кев испуганно прочистил горло, очевидно, понимая, что никто не будет его искать, если хозяин посчитает посетителя уж очень утомительным. Дэвид сдержал улыбку, зная, какие мысли крутятся в голове этого мужчины. Никто никогда не знал, как Жнец поведет себя, или отреагирует, и в этом был весь смысл — никто не мог предугадать его действий. — Меня просто прислали спросить, не знаешь ли ты чего. В конце концов, ты имел информацию...

Слова надорвано зависли оттого, что у Кева свело горло от страха — Дэвид развернулся и, буквально впился насмешливым, предостерегающим взглядом в мужчину.

— Ты думаешь, что я позвонил Бастет и предупредил, где и когда ее буду ждать? Или считаешь, что это я убил вашего наемника? Или есть еще какая-нибудь версия, Кев? — Он поднялся, показывая, что встреча окончена. — Я еще две недели назад сказал тебе, что не играю больше, и не имею никакого желания возобновлять работу. Уясни это сам, и донеси до тех, кто будет тебя спрашивать..., иначе мне придется самому об этом позаботиться — Дэвид поджал губы, — а ты же знаешь, что тебе могут не понравиться мои методы.

— Хорошо, Дэвид, — Кев проворно оказался на ногах и стремительно добрался до двери кабинета, стараясь оказаться как можно дальше от хозяина кабинета. — Я просто..., меня просили уточнить, не знаешь ли ты чего-то. Сам знаешь, я должен был, — он пожал плечами, вцепившись пальцами в дверную ручку.

— Я не знаю ничего об этом деле, и не собираюсь узнавать. Я вышел из игры. И не вернусь. — Дэвид опять отвернулся к окну. — Закрой за собой дверь, Кев... и, ради собственного же покоя, забудь сюда дорогу, мой тебе совет.

— Я понял, — Кев быстро вышел из кабинета, уже не имея возможности увидеть, как усмехнулся Дэвид.

Он продолжал рассматривать окутанный туманом город и пару минут спустя, когда тихо открылась раздвижная секция двери коридора, ведущего из кабинета на застекленную террасу зимнего сада.

— Какой ты, однако, грозный, — девушка, одетая только в черную футболку, явно не ее размера, почти сползшую с одного плеча и достающую ей до середины бедра, с усмешкой пересекла комнату, и уселась на стол, поверх документов, упираясь босыми ступнями в отодвинутое кресло.

Дэвид повернулся к ней с совсем другой улыбкой, нежели та, которая столь успешно запугала посредника.

— Ты же не боишься меня, девочка? — насмешливо приподняв бровь, он шагнул к столу, разводя руками шире ее бедра, чтобы удобней устроиться между ними и, обхватывая ладонями талию Софи, мягко скользнул тыльной стороной кисти по горячей коже, забираясь под ткань футболки, нарочно задевая грудь.

— Чуть-чуть, — лукаво хмыкнула она, повторяя его действия, забираясь своими ладонями под его хлопковый свитер, все того же черного оттенка. — Но я скучаю по своим вещам...

— А мне казалось, что тебе нравится прорезать мой шкаф с одеждой, — одной рукой Дэвид обхватил щеку Софи, притягивая ее ближе, и накрыл губы девушки требовательным поцелуем, не слушая ее соображений по поводу такого вывода. В то время как его вторая ладонь, словно согревая, накрыла ее грудь. — Придется что-то решить, раз ты не довольна, — хмыкнул он, оторвавшись через несколько мгновений, и начал дразнить ее, водя губами по скулам, спускаясь к шее.

Ему нравилось, что она уже дышала чаще, и почти добралась пальцами до пряжки ремня на поясе джинсов, обеспечивая себе более полный контакт с его телом.

— Неужели, мне позволят выйти в город? — Софи недоверчиво вскинула брови, покрывая дразнящими поцелуями кожу его живота, пробегая пальцами по жестким мышцам его пресса.

— Нет, пока, нет. Но думаю, что смогу подобрать что-то, твоего размера, — его ладонь крепче сжалась на груди, когда Дэвид, с усмешкой, продемонстрировал ей свой способ снятия мерок.

Софи рассмеялась. Открыто и без натяжки, искренне. А потом, легонько царапнула его. Чтобы не очень сильно пытался ее подавить.

Несмотря на всю самоуверенность и деспотичность поведения Дэвида в эти дни, она не могла не признать, что у него всегда получалось поднять ей настроение. И не только сексом... Хотя, этот способ ей нравился особенно.

Он состязался с ней, заставляя показывать себя в деле, пусть и выдуманном. И пару раз, ей даже удалось его обойти, самого Жнеца. Софи хмыкнула, вспоминая это. Хотя, в непосредственном столкновении, шансов на победу, у нее все же не было.

И сейчас, немного выбравшись на поверхность своей депрессии, в которой увязла за последние года полтора и, осознав, что именно он сделал для нее, Софи не могла не задаться одним вопросом.

— У тебя хобби такое, спасать наемников под преследованием? — она прошлась языком по его животу, не желая пока встречаться взглядом с серыми глазами. — Так сказать, все включено: спасение, прикрытие, реабилитация..., — Софи чуть сжала зубы, царапая его, наслаждаясь ощущением того, как он реагирует на ее поведение.

Горячая ладонь, обхватившая ее щеку, не позволила ей уклоняться от его пристального изучения после этих слов.

— Ты первая, и последняя, детка, — насмешливо усмехнулся Дэвид, но в глазах его улыбки не было. — Мой гардероб и так, не легко восполнит понесенный урон, чтобы я заинтересовался подобным делом еще раз.

— Ну, тебе может снова стать скучно..., — постаралась непринужденно проговорить она, не пытаясь высвободиться из крепкого захвата его ладони.

— Думаю, меня вполне развлечет одна своенравная кошечка, — теперь, усмешка затопила и дымчатый взор, а палец Дэвида скользнул по ее губам, чуть придавливая подушечкой, возбуждая еще больше. — И, кстати, — словно только вспомнил об этом, во что она ни капли не поверила, Дэвид кивнул на ее плечо, — завтра разберемся с татуировкой. От нее надо избавиться, — он снова поцеловал ее не позволяя спорить.

— Будет шрам, — недовольно скривилась Софи, когда он отпустил ее губы, и прижалась щекой к груди мужчины, ощущая себя так, словно шла по довольно зыбкой почве.

Все было слишком непривычно для нее. Слишком. Но ей было на кого опереться, как ни дико звучало подобное для Бастет, привыкшей гулять по парапету.

— Можем скрыть его моим именем, — рассмеялся Дэвид, запуская пальцы в ее растрепанные волосы.

— Ага, размечтался, — Софи легко толкнула его кулаком в плечо, но Дэвид стремительно обхватил ее кисть пальцами, и завел руку за спину, вынуждая девушку запрокинуть голову. — А если мне надоест? — с наигранной бравадой, которой не чувствовала в реальности, вскинула она бровь.

На чувственных губах Дэвида расплылась широкая усмешка, когда он ближе притянул Софи к себе, и прошептал почти в губы:

— Я позабочусь о том, чтобы этого не произошло, девочка.

И отчего-то, сама потянувшись к его губам, целуя Дэвида, прижимаясь своей грудью к крепкому телу этого мужчины, который так неожиданно дал ей то, на что Софи никогда и не думала надеяться, она ему поверила.

У кого, кроме Жнеца хватит воли, чтобы всегда доказывать Бастет, кто из них сильнее? Пожалуй, только у него.